

Сказки.

I.

Glai merd hest bē, čai nom Šamiadin bē; čai glai žen hest bē, čai ženi glaiž oinaš hest bē. Rūži žen bašta šūa vótše: «Mj vonié, bo mj glai moi paido ka.» A merd še ba Lanġkon, bo moi. Še ba rū, tor ɣandónku (molóška ɣandónku) glaiž moi sae. Omai ženi tóniku. Ženi baiku xabaiž gate: «Čána nimek bįžanamon? Vé bažēš — harde abįni; kám bažēš — xarob babē. Tį bēši ba moi havatį tóniku, xaba bįgġe (bįge) baiku: «Ba moi čána nimek bįžanamon?» A merd še ča moi bįdai tóniku, xabaž gate ba moi bįdáiku: «Bai čána nimek bįžanamon?» A moi bįdai fįkriš karde dešta, banē—įm axmáxe, vótše: «Í mįšt, dį mįšt bai nimek bįžan.» A merd pįje de roi bašta ka, pįje-pįje vótše: «Í mįšt, dį mįšt.» I kasi-an saátįš xoštamiš karda be, gġiž bė kardá bē, roméda bē. Į gitaká diaž karde, banē—i kasi de roi oméda, votéda ki: «Í mįšt, dį mįšt.» A gitaká vótše ba í mįšt, dį mįšt bįvotí: «Mį saátįm xoš karda, git kárdam; tį vóttas: «Í mįšt, dį mįšt bįbū.» Rasai, a mérdįž kúáē. A merdí vote: «Tį mįni bó či kúédaš? A híči zįn-danim, bas čič bóotįm!» A gitaká bai vóte: «Bóot: «Íglaž-ságla bįbū!» A merd šéda de roi, vóte: «Í gla sá glu bįbū!» Glai díada davordéda bē; ba díada i kasi glai zua márdá-be; hamin ča bįmárdí pí (pġō) diaž kárde, banē—i kasi de roi oméda, vótta: «Í gla-sá gla bįbū.» Rasáē, į mérdžon kúáē, vótšone: «Tį žįgo bó či vóttas? Čįmį zua márdá,—tį vóttas: «í gla-sá gla bįbū!» Į mérdžon áxada kúáē, dįroziš de čai hoviži í bē. Į merdi vótše: «Mįni bó či kįštédon? Bas az čič bóvotįm?» Hamin a morda soġbí ba merdi vótše: «Tį de roi šé šé bóot: «įm bįbū, hani nį bū!» Į merd še de roi, héžo vótta be: «įm bįbū, hani nį bū.» Glai

díada davárdá bē; glai merdi bošta zua vaja kardá bē; háft zuaš hest bē, hámma vaja kárda be dūmo jandį; hamin a merd vótta bē: «įm bįbū, ani ná bū.» Omai, rasai, banē—vaja kárdan. Į vaja soġbí diaž kárde, banē—i kasi vótta: «įm bįbū, ani nį bū.» Rasai, įm mérdįž kúáē (kúáē), baiž vótše: «Mį háft zua vaja kárdam; tį vóttas—«į bįbū, ani ná bū!» Įm merdi vote: «Bas az čič bóotįm?» Vótšeki: «Tį čįɣin bėši (bġši) de roi, bašta sa kúē-kúē bġši (bėši).» Glai sajjodi tórįž noa be bo mōvi (mġvi), mġv bġgatį. Mġv omá be, eimá be ba čai tor, é sá e gġinē ba čai tor, ladi e gġnē (e gnē); diaž kárde, banē—i kasi oméda de roi, bašta sa dį dasti kúéda. Dástįž kárde bai: «Žágo máka! é sá mġvon bapornēš!» Į merdi gūšiš nįdoe: axadážon į merd kúá be, či merdi áɣlįš (óɣlįš) sáda nġbe, ba merdi sįxaniš gūš nį doe. Mġvon paráē. Sajjodi diaž kárde: «Čįmį zahmát ba bod šē.»¹ Rasai, į mérdįž kúáē. Merdi vótše: «Šōma meni (mġni) bó či kįštédon? Mį čį gġno (gno) kárde, mġni kįštédon?» A sajjodi vótše bai: «Sġpá zua! Tį čįmį zahmát ba bod dōe.» Į merdi vótše ba sajjodi: «A bas čġkna bġkam?» Sajjodi bai vótše: «Enamé, enamé bġši (bėši).» Glai merdí-ān bóɣįš karda be vā koġabaili avoi, ai ádzidi, šaŋ-gona ádzidi. Įm merd (bóɣį soġb) įšta boɣį čaš akai, ávoti: «az įm boɣ bįdzidi bġgatįm.» Diaš kárde, banē—i kasi oméda, enamé-enamé oméda. A boɣ(į) soġb nio be, vóte: «A čįmį boɣį bįdzid įme. Áve enamé-enamé oméda, vótta ki: «mġni híči névinde.» Banē—omai, beše bį boɣįku. Čį nio ba vġráō áište, hamin a mérdįž gáte, baiš vóte: «Sġpá zua! Čįmį boɣį šaŋgona kam ádzidiš (dįzdíá-be), ba rúž-an omédaš ba dįzdi!» Gátēže įm, kúáē; į mérdįž žįgo kúáē, įm či vāġiž ɣānde, vóte: «Bįda, hani (ani) nįvo ba dįzdi!» Įm boɣ soġb beše, šē. Hamin a Šamiadin áište, pġje (pġe), da ro gġinē, šē. Gláize xala ka hest be. Še, šaŋgo mánde (mónde) xala káda. Šaŋgonážon vārde, nóžone. Hamin į Šamiadin áxada įmžon kúá be, šaŋgoná-an nįznaže hardē. Šamiadin híte. Šavi nimáda dalárzē (dalárzāē), banē—«vašíme»; áište navai, núnįš

¹ Bod вж. во, — заимствование из персидск. яз.

paido kárde tokláda. Í dj jilmaž hárde, banē: «ba čimj xirta šédani.» Vótše: «Az i nūni taili nímena hardē.» Naváe — «žeči paido kam, de nūni báham.» Rūána gula paidož kárde, dástijž da nóe ba gula, rūan bé vā, de nūni baha. Įšta dástijž púruž kárde de rūani, įšta dasti piáze bé vā čj guláo, dástijž bé ne šē. Deštá-niž fikr kárde: «Ka soib baštē, mīni bavindē, dástim čj guláo bé šédani.» Bavote: «A čikna bīkam, i gula ba čiči bīžanīm, bārīš-tīm?» Banē — híči ní jo. Diaš kárde, banē — glai sīpiá sīj hēste čj kai dílada. Įšto mávot — įm čai xala hītae (hatáe) bān! ¹ Lef čai sá pe rad bāe bān, a čai xala kún(e) bān, sipí sipí dóidaj(e) bān (dojéda bān)! Hamin a gula čai dástada žáže, žigož znáe — a sīye, sīpi dóida! Žáže gula bai, vótše: «Bīda i gula bārīši (bārīšīe), dástim čj guláo bé šū. Xalaž dalárzāe, banē: «Čimj tonísa žečij gnīje (gnīie).» Aīšte; čóžon pe kárde, diážon kárde, — banē — Šamiadīne. A čai xala aylon Šamiadinžon kúá, be γándžōne čj káo; da ro gīnie, šē. Rūž bē, be še bašta ka, banē — «čimj ženi dígla zua heste!» Xabaž gate: «Žen! Az čan vaxt bē šá bīm, i aylon níbe čimj šiada; įmónj čj ke vārde?» A ženi diaš kárde, banē — «šū mīni bakštē, i aylon jo kásada-ē, čimj šiáda ní.» Saž pe gáte, vīite, be še, šē. Hamin įm Šamiadin diaš kárde, banē: «Az bī maγóladá nímena mandē; az rīsvo (resvo) bām.» Aní Samiadin saž pe gáte, vīite, be še, šē; hamin Samiadini ka mánde bo a bīja zuon (zūn). Ázan ana bīm vājo, hamin a sárguzáštīm vīndīme vājo.

Записано в с. Лерик, в Зувандском горном округе, от Хамида, Ага Верди зуа).

Перевод.

Был один человек, по имени Шамиадин; у него была жена, у его жены был любовник. Однажды жена сказала своему мужу: «Я беременна, достань мне рыбу.» Тот человек пошел в Ленкоран за рыбой. Пошел он на реку и у рыбацких купил одну

¹ «Вад» — в конце фразы, — служит для выражения удивления неожиданным происшествием или фактом.

² Букв. «бросающих сети».

рыбу. Пришел он к жене. Жена у него спросила: «Сколько мы положим соли? Если много положишь, нельзя будет есть; если мало положишь — испортится. Ты ступай к тому, кто продал рыбу, спроси у него: «сколько нам положить в рыбу соли?» Тот человек пошел к продавшему¹ рыбу, и спросил у него: «Сколько нам положить в рыбу соли?» Продавший рыбу человек подумал про себя, — «это — глупец,» — и сказал: «Одну горсть, две горсти соли в нее положи.» Тот человек пошел по дороге к себе домой, шел, шел и говорит: «Одну горсть, две горсти.» Один человек выбрал себе счастливый час,² плуг вытащил и пахал. Смотрит этот пахарь, видит — кто-то по дороге идет и говорит: «одна горсть, две горсти.» Тот пахарь сказал человеку, говорившему «одна горсть, две горсти»: «Я выбрал счастливый час и пашу; ты же говоришь: «одна горсть пусть будет две горсти!» Подбежал он (к нему) и его поколотил. Тот человек сказал: «За что ты меня бьешь? Я ничего не знаю, так что же мне говорить!» Пахарь ему сказал: «Говори: «одно да будет сто!»³ Тот человек пошел по дороге и говорит: «Одно да будет сто!» Проходил он через одну деревню; в этой деревне у одного человека умер сын; и как раз отец умершего посмотрел, видит — кто-то идет по дороге и говорит: «один да будет сто!» Подбежал он (к нему) и этого человека поколотил и сказал:⁴ «Ты зачем так говоришь? Мой сын умер, а ты говоришь: «один да будет сто!» Так побили (участники похорон) этого человека, что его длина сравнялась с его шириной. Тот человек сказал: «Зачем вы меня убиваете? Так что же я должен говорить?» Отец⁵ этого самого умершего сказал ему: «Ты, по дороге идя, говори: «это пусть будет, а

¹ Букв. «давшему».

² По общераспространенному на востоке суеверию каждое скольконибудь важное дело или предприятие должно начинаться в «счастливый» день и час, определяемые по положению созвездий. Счастливые и несчастные дни указываются в народных календарях.

³ Букв. «одно его», т. е. семья.

⁴ В тексте «поколотили», «сказали», — имеются в виду люди, участвовавшие в похоронах.

⁵ В тексте «хозяин», «владелец».

более пусть не будет!» Пошел тот человек (далее) по дороге и так говорит: «это пусть будет, а больше пусть не будет!» Проходил он через одну деревню; один человек своего сына свадьбу играл, у него было семь сыновей, всех он женил одного за другим; и вот Шамадин как раз и говорит: «Это пусть будет, а более да не будет!» Подошел он, видит, — свадьбу играют. «Хозяин» свадьбы посмотрел, видит — кто то говорит: «это пусть будет, а более пусть не будет.» Подбежал он и побил его и сказал: «Я женю семерых сыновей, — а ты говоришь «это пусть будет, а более пусть не будет!» Шамадин сказал: «Так что же мне говорить?» Тот сказал: «Ты отсюда ступай по дороге, и иди, колотя себя по голове.»¹ Один охотник расставил сети для уток, чтобы поймать уток. Утка прилетела, спустилась на его сеть, вот-вот она сейчас попадет в его сеть, чуть не попала; посмотрел (охотник), видит, — кто то идет по дороге, по голове себя колотит рукой. Он ему рукой сделал (знак): «Не делай так! сейчас ты испугнешь² уток!» Тот же человек не обратил внимания:³ так его (перед тем) побили, что ума у него в голове не было, — и он не послушал слов⁴ того человека. Утки улетели. Охотник посмотрел, (видит): «Труд мой пошел на ветер.» Подбежал он и того человека поколотил. Шамадин сказал: «Вы меня зачем убиваете? Я какой грех совершил, что вы меня убиваете?» Охотник ему сказал: «Собачий сын! Ты мой труд пустил по ветру.» Тот человек сказал охотнику: «Так как же мне делать?» Охотник ему сказал: «Иди наклонясь - пригибаясь.» — Один человек сад свой обработал, а коджабайлинец⁵ приходил, его обкрадывал, по вечерам обкрадывал. Тот человек (владелец сада) свой сад стерег и говорил: «Я этого обворовывающего сад схвачу.» Посмотрел он, видит, — кто то идет, идет нагибаясь-

¹ В знак печали по умершем.

² Букв. «заставишь улететь».

³ Букв. «не послушал».

⁴ Рассказчик, повидимому, забыл, что охотник делал знак рукой безмолвно.

⁵ Коджабайли — один из шахсевенских родов.

наклоняясь. Хозяин сада спрятался и сказал: «Обворовывающий мой сад — вот этот (человек)! Это он нагибаясь-наклоняясь идет и говорит (про себя): «меня-де никто не увидит.» Видит, — (тот) подошел и вошел в сад. Он выскочил с места, в котором прятался, и того самого человека схватил и ему сказал: «Собачий сын! Мой сад мало ты обворовывал по ночам, и днем также ты приходишь воровать!» Схватил он его и поколотил. Он так отколотила Шамадина, (что) лишил сознания и сказал: «пусть он больше не приходит воровать!» (Затем) хозяин сада вышел (из сада) и ушел. Шамадин же этот самый встал, пошел, пустился в путь. У одной его тетки был дом. Он пошел и на ночь остановился в доме тетки. Принесли ужин, поставили. Шамадина так исколотили, что он и ужина есть не мог. Он лег спать; в полночь он проснулся, видит — «я голоден;» встал, (пошел) искать (еды), нашел в темноте хлеб. Съел один-два куска, видит — «в глотку много не идет.» Сказал (себе): «Я не могу есть этого хлеба пустым (без приправы)». Пошел он искать — «что-нибудь я найду, и с хлебом поем.» Нашел он кувшин с маслом, руку всунул в кувшин, чтобы вытащить масло и съесть с хлебом. Руку свою он наполнил маслом и хотел ее вытащить из кувшина, (но) его рука не выходила. Подумал он про себя: «Хозяин дома встанет, меня увидит, рука моя из кувшина не вылезает!» Сказал (он про себя далее): «Что же мне сделать, этот кувшин обо что мне ударить и разбить?» Видит — там нет ничего. Посмотрел он, — видит, — белый камень какой-то посреди комнаты. (Нет!) ты скажи на милость!¹ Это его тетка, оказывается, спала! Одеяло с нее, оказывается, слезло, — и той тетки задница, оказывается, это была и (это она) белым светом светилась! — Он этот самый кувшин, который был в его руке, ударил (о нее), — так он полагал, что это камень, который белым светом светится. Ударил он ее кувшином и сказал: «Пусть-ка этот кувшин разобьется и моя рука из него выйдет!» Встала она (тетка); зажгли светильник,

¹ Букв. «ведь не скажи!»

посмотрели, — видят — это Шаминадин. Сыновья тетки Шаминадина поколотили, выбросили из дома; пустился он в путь, пошел. Наступил день, пришел он в свой дом, видит — «у жены моей два сына!» Спросил он ее: «Жена, я сколько времени как ушел, этих детей не было при моем уходе; ты их от кого принесла?» Жена посмотрела, видит — «муж меня убьет, эти дети от другого человека, не от моего мужа.» Махнула она рукой,¹ побежала, ушла. И Шаминадин этот самый (тоже) посмотрел, видит: «Я в этом махалле (округе) не могу оставаться; я опозорен.» И Шаминадин тоже махнул (на все) рукой, побежал, ушел. А дом этого самого Шаминадина остался для этих чужих² сыновей. — И я также как раз там был, и это самое происшествие там видел.

II.

Glai merdi glai ženiš hēbe. Čai žen mārđiadá vótše: «Mérđā! Čimj angjšte ba há kasi das bjbū, ai būaiš.» Merđ navē; ba há kasiš angjštaš da noé—nj be, bašta kina angjštaš da noé — čok be. Vótše: «Kínā, ištj nana vasijat kardá bē: ba há kasi das bjbū, ai boaiš; čara ni, tjni bavām.» Kina bame, vótše: «Dádā, abjni.» Dada vótše: «Tjni bakjštēm!» Kina vótše: «Čok! Bomēm, sab bjka, be šum ba dašt.» Kinā dada igla žia dabásiše ba kina ljng. Kina be še ba dašt, žia o kárdiše, vítē, da še ba glai višā. Dada vindiše — kina ni, o gárdiše bašta ka. Kina be še, vindiše — usto najor kó kárda. Vótše bai: «Ustó, bo mjno taxta ka bjsoxt, az bo tjno požo bapatēm.» Usto kaš sóxte bo kina rúa kanóada. Podšo zoa ume ba čai aspi ov doe, aspi ov njharde; podšo zua vindiše: «Ío čóka mu hēse!» Pe gátše ai, diaš kárde — rúa kanóada igla kina hēse, míšliš ni. Še ba ka. Podšo vótše bašta vaziri: «Vázir, az pídamē bo šta zuon vaja bjkam.» Vaziri vóte: «Čok, čok.» Podšo vótše: «Se gla sef búā, bjda ba čimj zuon.» Glái zua

šo dóše sef ba vaziri kina, á glai šo dóše ba bakili kina, á glai šo dóše ba rō. Sé karan žjgo dóše bai sef, sé karan žjgo šo dóše ba rō. Podšo djgla zuaš vaja kárdiše. A jóta zua rjkjš kárde, be še čj káda. Dá ržzi ba pešta podšo vótše ba vaziri: «Zua ba ké šē?» Vazir vótše: «Zjndanim.» Podšo vótše: «Bjnav bo zua.» Vazir še nave, vindiše — zua dj glai kina ništa rúa kanóada. Omē, ba podšo vótše. Podšo še, diaš kárde ba kina, vótše ba zua: «Mérđaba, čjmj zua!» Podšo o gárde ba ka, haft rü, haft šav vaja kárdiše bo zua. Podšo vaju i sor ba pešta glai zua zánde, — glái žjfiš qizj, á glai žjfiš njγa. Podšo ai vē pidáš bē. Í ržz kina dada ai navéda be ba čarčiat: «Bjvindim, čjmj kina ba kónjo-e.» Vindiše — ba podšo káda vajú-e! Čarči šē, ba čai ka omē, vótše ba podšo: «Jm šango mjni ó gat ío, fajřrim!» Podšo vótše: «Čok!» Merđ mándē. Šango podšo hjta ba pešta, daše, podšo nava saš bjriē; čaxu da nóše ba zua nana čif. Podšo išta nava xotoš vē apíše. Mašta aište, vótše: «Čjmj nava búān.» Vindišonē — nava gi bjriá bā! Xabaš sáe — «kí bjriá?» Vótšone: «Zjndanimon.» Vótše: «Bjšān, qonayj búān.» Šin, ávjšon várde, xaba sášone qonayjku. Vótše: «Az zjndanim. Há kasi čífada xunína čaxu béšü — ai bjriá!» Diášon kárde, vindišone — ča zua nana čífada be šē. Várdišone, čai nana čašon bríšone, dóšone ba čai das. A zuášān pe gátē, še, ba rúa kano, njšte, vótše: «Xudavéndā! Mj čjčim kardá, mjni ba dard da noá?» Čai ba pešta se gla kafte ome; í gla dásiš bašta sáγa čaš nóe, á glai-an dásiš bašta čápa čaš nóe. Ha dj gla-n čok bē. A glái-an dásiš bašta zua gjj dasúe, čai zua gi čok bē. I muddati ništá be rúa kanóada. Vindiše — podšo zua dj vazir-bakili ba neči šéda. Kina išta zua voyándiše: «Bjši, ba podšo zua bóvot: «Jm šango šjma váda hēse čama káda». Podšo zua vótše: «Čok, bomēm.» Zua ó be, vótše bašta nana. Zua nana čóka xorak pátše vā ba čai zua vótše: «Qonayon oma ba pešta bóvotjš: «Čjmj nana vótše: «ba haironon das mážanan.» Podšo zua vótše — «čok.» Njštín, xorákjšon hárde. Zua nana še, hairóniš činiše, da nóše ba podšo zua lef. Mašta a gide zua nana aište, vindiše — hairon činiá bā! Ba zuáš vote: «Xaba bíšan, kí činiá čjmj haironon?»

¹ Букв. непереводаемое выражение «взяла голову».

² «bjj» — значит также «хитрый», «лукавый», «незаконнорожденный».